

Косарская Е.С., старший преподаватель
кафедры социологии и социальных технологий ТвГТУ

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В НАСЛЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX ВЕКА И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ РУССКИМ ПОЗИТИВИЗМОМ

В настоящее время в России в связи с произошедшей на рубеже XX–XXI веков радикальной трансформацией всех сторон общественной жизни, сопровождавшейся глубоким духовным кризисом, все острее встает вопрос поиска новых смысловых ориентиров и опор. Исходя из этого, сегодня многие исследователи с целью понимания современных культурно-исторических процессов обращаются к наследию русской философии.

В этом отношении бесспорный интерес представляют научные изыскания русского позитивизма XIX–XX веков. Он представляет собой сложное переплетение западно-европейской и восточно-византийской философской мысли, которое, с одной стороны, ориентировалось на древние традиции, а с другой – стремилось не отставать от изменений, происходящих в мире. В результате сложилась оригинальная философская концепция, которая впитала в себя идеи славянофилов, народников, западников, марксизма, шеллингизма левогегельянства и неокантианства. При этом, несмотря на то, что русский позитивизм отталкивался от западноевропейской философии, он в первую очередь являлся продолжением традиций отечественной мысли XIX века, стремившейся представить собственное видение мира и его проблем.

Ярким представителем последней является Т.Н. Грановский (1813–1855), придерживающийся в своих работах идеи прогрессивной всемирно-исторической преемственности, которая станет основополагающей в трудах русских позитивистов. По его мнению, социально-культурное развитие бесконечно, но оно неравномерно, так как история человечества представляет собой совокупность историй отдельных народов, которые имеют «свои степени развития». При этом ученый акцентирует внимание на том, что в основе этого процесса лежит «бесконечный разум». Но это не означает, что осмысление жизни народов должно основываться только на его законах, необходимо также учитывать данные географических, антропологических, политических, экономических и других наук [5, с. 223].

Эту мысль в дальнейшем разовьет в своих работах другой представитель русской философии XIX века – М.М. Ковалевский (1851–

1916), обосновав концепцию многофакторного детерминизма, которая будет положена русскими позитивистами в основу построения всемирной и национальной истории. Они будут изучать культурный процесс как результат действия целого ряда причин: географических, политико-психологических, правовых, интеллектуальных, духовных, антропологических, социально-экономических, лингвистических и других. Но некоторые из них будут выделять из всех этих факторов один особо значимый по их мнению. Так П.Н. Милюков (1859–1943) в своих работах выделит «месторазвитие», а Н.А. Рожков (1868–1927) – экономический фактор.

Еще одним вопросом, активно обсуждаемым в философских кругах России XIX столетия, было соотношение субъективного и объективного факторов в культурно-историческом процессе. Например, уже упоминавшийся Т.Н. Грановский полагал, что принцип закономерности исторического развития вполне допускает влияние субъективного фактора на социокультурное движение человечества, однако судьба государств, по его мнению, не зависит от «гениальных личностей», так как они являются всего лишь «исполнителями». Совершенно иной точки зрения по этому вопросу придерживался П.Л. Лавров (1823–1900). Он считал, что личность является ведущей силой исторического прогресса, но не всякая, а обладающая критическим сознанием и стремлением к изменению общественных форм. Исходя из этого, прогрессивное социокультурное развитие возможно только при условии обеспечения максимума возможностей для развития каждой личности как в физическом, так и умственном, и нравственном отношении [4, с. 51]. Его позицию поддерживал и Н.К. Михайловский (1842–1904), который также напрямую связывал совершенствование нравственного начала личности с общественным прогрессом.

Данный вопрос тоже получил свое освещение в работах русских позитивистов, особенно в трудах Н.И. Кареева (1850–1931), который в этом споре занял свою особую срединную позицию. Он одинаково критично оценивал и концепцию «безличной эволюции», которая утверждала, что личность в истории – это «ничто», и концепцию «личного действия», утверждавшую, что личность – это «все». Взамен он предлагал следующий позитивный выход из этого противоречия – признать необходимым взаимодействие между «героем» и «толпой» [3, с. 112].

Не менее важной мыслью, озвученной П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским, которая впоследствии была развита в работах позитивистов России, является утверждение, что единственная движущая сила социокультурного развития – это интеллигенция, как наиболее развитая категория людей, способная творить историю. Эта идея позднее в несколько интерпретированном виде прозвучит в трудах Р.Ю. Виппера (1859–1954) – одного из ярчайших представителей данного течения. Он отведет ей решающую роль в национальном возрождении русской культуры [1, с. 217].

Помимо этого, Н.К. Михайловский формулирует еще одну важную для русских позитивистов мысль: он признает, что общество развивается от простого к сложному, от однородного к разнородному путем бесконечных расчленений и дифференцирований. Подобную идею также озвучивал в своих работах ранее еще один выдающийся мыслитель XIX века – М.П. Погодин (1800–1875), который пришел в своих исследованиях к выводу о том, что исторический процесс представляет собой множество «параллельных нитей», каждая из которых пребывает на разных ступенях своего развития [5, с. 254]. Это положение оказало значительное влияние на взгляды таких позитивистов, как П.Н. Милюков и Р.Ю. Виппер. Они полагали, что общая эволюция это одновременное развитие нескольких параллельных рядов культур, всюду повторяющихся и соответствующих различным сторонам исторического процесса, не примыкающих друг к другу в виде звеньев одной цепи. При этом ряды эти не совпадают между собой, но могут сравниваться. В результате перед нами выступают не столько хронологические моменты одного культурного течения, сколько местные общественные и культурные типы с характерным строением длительного свойства [2, с. 89].

Еще одной активно обсуждаемой проблемой в русской философии XIX века был вопрос о месте России во всемирно-историческом процессе. Одним из первых его озвучил П.Я. Чаадаев (1794–1856), резко противопоставив друг другу Россию и Запад. В дальнейшем размышления на эту тему привели к появлению двух непримиримых философских течений западников и славянофилов. Русские позитивисты продолжают ее обсуждение в своих работах, но совсем под другим ракурсом – непреодолимое противостояние двух цивилизаций трансформируется в их интерпретации в возможность диалога культур.

В первую очередь эта мысль прослеживается в историко-культурных типологиях, предлагаемых исследователями-позитивистами, которые строятся на выявлении набора характерных черт, обнаруживающихся в большинстве культур, среди которых – государственное устройство, экономическая жизнь, социальные и правовые взаимоотношения, интеллектуальный уровень, идейные настроения, национальное самосознание и другие. Их анализ и сравнение, на основе сходств и аналогий помогает философам выстроить картину общих интересов различных народов, что как раз и делает, по их мнению, возможным диалог культур, который олицетворяет суть развития исторического процесса. При этом сами формы диалога культур сводятся к двум противоположным процессам – заимствованию и отчуждению, первый из которых носит постоянный характер, второй – временный. Заимствование видится по-разному: и как захват, и как копирование, но, чаще всего, как ассимиляция. При этом акцентируется мысль, что воздействие одной культуры на другую не может быть сведено к механическому процессу. Рациональным считается тезис о том, что национальный организм наделен внутренней способностью «принимать» близкие по природе элементы

соседней культуры или «отбрасывать» чуждые. Иными словами, элементы культуры при перенесении на почву другого народа усваиваются пропорционально степени его готовности и оригинальности.

Что касается форм диалога культур, то каждый автор предлагает свое видение данного вопроса. Так, Н.И. Кареев (1850–1931), развивая идею «всемирно-исторического синтеза культурных продуктов отдельных наций», размышляя о взаимодействии различных культур, приходит к выводу, что в истории иногда возникают «уединенные» культуры, но их уединенность – лишь временное состояние, уступающее место взаимодействию народов в деле выработки «универсальной цивилизации». Народы, позднее вступившие на историческое поприще, со временем попадают под влияние «ушедших вперед» и могут даже прийти им на смену и по-своему продолжить их дело. При этом важным аспектом в данном процессе, по мнению Кареева, является проблема взаимосвязи культурных традиций, личной инициативы и культурных инноваций.

Другой русский философ-позитивист Р.Ю. Виппер (1859–1954) также отстаивал так называемую «национальную» точку зрения в истории, предполагающую расчленение исторического материала на множество социокультурных процессов. Согласно ей, плодотворное изучение всемирной истории возможно лишь сквозь призму национальной истории, через множество «разделенных коллективных жизней». Однако Виппера нельзя отнести к сторонникам теории локальных культурно-исторических типов, поскольку своими историософскими построениями он отрицает какую-либо изоляцию или «уединенность» народов и смело допускает историческое влияние и заимствование. Специалист по всемирной истории убежденно доказывает, что полной замкнутости культуры никогда не было, и быть не могло по определению, ибо жизнь людей есть постоянная коммуникация в виде обмена, торговли, колонизации, передвижения, идейной пропаганды. Безусловно, на местах шла и самостоятельная работа, многое достигалось одновременно в разных географических рамках самобытными усилиями, но чаще всего, по мнению автора, переход от одной ступени развития к другой осуществлялся в виде культурного скачка как результата своеобразного урока, воспринятого и разученного «с чужого голоса», т.е. культурного заимствования. Исходя из этого, сам момент передачи духовных и материальных ценностей он трактует как некий прорыв или скачок после длительного вызревания элементов занесенной культуры. При этом он оперирует такими терминами, как «культурная волна» и «культурное излучение» [1, с. 167–169].

Близкие взглядам Виппера идеи высказывал еще один русский философ-позитивист – П.Н. Милюков (1859–1943). Он также отстаивает тезис о культурном заимствовании как ключевом факторе всемирно-исторического процесса. Используемый им метод «культурных кругов» позволяет раскрыть внутреннее пространственно-временное единство этнической группы и особенности «запоздания» исторического процесса по мере перемещения культур. Милюков подмечает глубокую связь процесса

культурного преемства со степенью духовного развития народа-ученика. В этом случае своеобразие, приобретаемое каждым социокультурным организмом, не выглядит актом случайной личной воли или следствием геополитического положения. Заимствование отражает, прежде всего, степень зрелости обеих культур, в особенности той, которая воспринимает новые формы. Культурное заимствование, таким образом, выступает как источник и одновременно результат взаимодействия национальных организмов, которое занимает не последнее место в процессе становления их самосознания.

Таким образом, парадигма социокультурного развития русского позитивизма формировалась как на основе западно-европейской философии истории, так и российской, где в XIX веке прочно утвердились следующие идеи: преемственности и прогрессивности всемирно-исторического процесса, многофакторного детерменизма, существования множества параллельных культурных образований развивающихся различными темпами, гуманистичности исторической эволюции и другие. Все они позволили исследователям-позитивистам создать оригинальные культурные теории, в которых поднимаются вопросы, остающиеся актуальными и в наши дни. Это полигенетичность культуры; тенденции ее глобализации и унификации, с одной стороны, и стремление сохранить национальную самобытность – с другой; диалог культур в рамках культурной безопасности; проблема культурной типологии, а также закономерности социального и культурно-исторического развития.

Библиографический список

1. Виппер, Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. ст. и публ. лекций 1900–1912 / Р.Ю. Виппер. М.: И.Н. Кушнерев и К, 1912.
2. Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания / Р.Ю. Виппер. М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1911.
3. Кареев, Н.И. Основные вопросы философии истории. Часть III. Сущность исторического процесса и роль личности в истории / Н.И. Кареев. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890.
4. Лавров, П.Л. Исторические письма / П.Л. Лавров. СПб.: Типография Н.Н. Клобукова, 1906.
5. Милюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Милюков. Ярославль: Тип. К.Ф. Некрасова, 1908.